

Підсумовуючи, зазначимо, що попри невисокий рівень бойової активності та ефективності, радянські парамілітарні формування відіграли свою роль у боротьбі з українським визвольним рухом. Принаймні, вони відтягували на себе певні сили повстанців та бойові й пропагандистські ресурси підпілля, а сам факт їх існування вносив розкол в українське суспільство. Зважаючи на це, можна погодитися з думкою Д. Веденеєва й Г. Биструхіна, що широке застосування парамілітарних загонів посилювало громадянський характер збройного протистояння у Західній Україні¹⁵³.

Ильницкий В. Создание и деятельность в западных областях УССР советских парамилитарных формирований (1944–1954 гг.)

В статье на основе неизвестных и малоизвестных документов раскрывается проблема создания и деятельности советских парамилитарных формирований в западных областях УССР. Утверждается, что истребительные батальоны и группы охраны общественного порядка сыграли свою роль в борьбе с украинским освободительным движением.

Ключевые слова: истребительные батальоны, группы охраны общественного порядка, ОУН, УПА, парамилитарные формирования, спецорганы.

Il'nyts'kyi V. The formation and activities of soviet paramilitary formations in the western region USSR (1944–1954)

On the basis of unknown and little-known documents revealed the problem of the formation and activities of soviet paramilitary formations in the western region USSR. The author proved, GB, HOHP played a role in the fight against the liberation movement.

Key words: VB, HOHP, OUN, UPA, paramilitary formations, spetsorhany.

ДЕРЖАВНИЙ ТЕРОР РАДЯНСЬКОЇ ДОБИ

Инна ОСТРОВСКАЯ*

Под грифом «секретно»...

(к истории Севастопольского концентрационного исправительно-трудового лагеря для «контрреволюционных элементов» в 1921 г.)

В статье впервые рассматривается вопрос об организации Севастопольского концентрационного исправительно-трудового лагеря для «контрреволюционных элементов», располагавшегося на территории Херсонесского монастыря св. Владимира (1921 г.).

Ключевые слова: концентрационный трудовой лагерь, контрреволюция, сёстры милосердия, революционный отряд, монастырь.

В предшествующее десятилетие внимание исследователей в значительной мере было привлечено к трагическим событиям осени–зимы 1920 г. на Крымском полуострове. В результате осуществлявшихся советскими чрезвычайными органами ме-

* *Островская Инна Валериевна* — заведующая отделом Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя.

¹⁵³ *Веденеєв Д., Биструхін Г.* Двобій без компромісів... – С. 334.

роприятий по «очищению» Крыма от «контрреволюционного элемента» были уничтожены, отправлены в концлагеря тысячи сдавшихся в плен офицеров и солдат белогвардейских войск, а также тех, кто в силу своего социального происхождения не вписывался в схему построения «нового общества». Несмотря на интерес к этой теме, история организации Севастопольского концентрационного исправительно-трудового лагеря для «контрреволюционных элементов» оставалась до недавнего времени «белым пятном», так как соответствующие документы находились под грифом «секретно».

В советской России первые концлагеря были созданы по приказу Л. Д. Троцкого в конце мая 1918 г., когда предполагалось разоружение Чехословацкого корпуса. Обычно они организовывались на месте освобожденных после обмена военнопленными лагерей 1-й мировой. В июне–августе 1918 г. в ходе гражданской войны идея развития системы концлагерей как элемента репрессивной политики большевиков получает широкое распространение. Их законодательное оформление связано с принятием Совнаркомом 5 сентября 1918 г. декрета «О красном терроре», где органам ВЧК было предоставлено право

«изолировать всех потенциально опасных врагов большевизма в концентрационные лагеря».

Заключение в концлагерь не требовало практически никакой судебной процедуры и осуществлялось как административная мера в отношении «сомнительных граждан».

В феврале 1919 г. на заседании ВЦИК председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский отмечал:

«Я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения, или, если мы возьмём советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем поднять даже наших собственных работников».

Окончательное организационное оформление данная мысль получила в декрете ВЦИК РСФСР от 15 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ» и в постановлении ВЦИК РСФСР от 17 мая того же года¹.

Перед лагерями принудительных работ ставились задачи не только изоляции и наказания различных «враждебных сил», но и «перековки» представителей «эксплуататорских классов». В постановлении от 17 мая 1919 г. уточнялось, что расходы, связанные с содержанием осуждённых, должны окупаться их трудом, т. е. был провозглашён принцип самокупаемости мест лишения свободы, который фактически не утратил своего значения до настоящего времени. К концу 1920 г. таких лагерей на территории РСФСР было 84 в 43 губерниях, где содержалось около 50 тыс. чел.² Поначалу их организацией занимались местные аппараты ЧК с последующей передачей в ведение НКВД, в составе которого был создан отдел принудительных работ.

В фондах Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя хранится копия книги председателя Севастопольского ревкома, позже первого председателя Севгорсовета С. А. Крылова «Красный Севастополь» 1921 г. издания. В ней автор ярко описывает события первого года становления в городе советской власти, отмечая, что наряду с иными одной из первоочередных мер была организация концентрационного лагеря³.

Хронология событий была следующая. 15 ноября 1920 г. в Севастополь вступили части 51-й пехотной дивизии и автоотряд 1-й Конной армии. Уже на следующий день газета «Правда» сообщала, что

«реввоенсоветы оперирующих в Крыму армий принимают все меры к скорейшему восстановлению революционного порядка».

¹ Известия ВЦИК. – 1919. – 17 мая. – № 105.

² Государственный архив Российской Федерации, ф. 393, оп. 13, д. 1в, л. 111.

³ Фонды Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя (далее — Фонды НМГООС), НВ-1741.

К первостепенным задачам новой власти относился учёт уже бывших солдат, офицеров Добровольческой или старой императорской армий, чиновников, иностранцев. С этой целью по приказу Крымского ревкома № 4 (от 17 ноября) и № 167 (от 25 декабря) в городе прошли первые регистрации, охватившие бывших офицеров, солдат врангелевской армии, чиновников военного ведомства⁴. Данные мероприятия проводились также по распоряжению начальника гарнизона и Севастопольского городского военкомата⁵. Именно многочисленные регистрации и перерегистрации стали основанием для дальнейших чисток города от «чуждых элементов». Среди чрезвычайных карательных органов, действовавших тогда в Севастополе, были ударная группа особого отдела Южного фронта, особый отдел 46-й дивизии, особый отдел Чёрного и Азовского морей (Черназморей), революционный военный трибунал Черназморей. Как правило, «тройки» этих органов, обладая особыми полномочиями, подписывали документы, определявшие судьбу так называемых «контрреволюционных элементов».

По всей видимости, регистрации и стали первыми источниками пополнения заключёнными Севастопольского концентрационного исправительно-трудового лагеря, что располагался в Херсонесском и Георгиевском монастырях. Создан он был 1 января 1921 г.⁶ На тот момент в городе образовались две независимые друг от друга службы исполнения наказаний в виде лишения свободы: одна — в ведении наркомюста (Севастопольская тюрьма, с марта 1921 г. — исправдом), другая — НКВД (концлагерь).

Открытию лагеря в Херсонесском монастыре способствовал ряд факторов, в том числе удалённость от города, наличие долговременных построек (могли вместить до 120 чел.) в относительно хорошем состоянии, налаженный ранее монахами

⁴ Ревкомы Крыма: Сб. док. и матер. — Симферополь, 1968. — С. 23.

⁵ Державний архів м. Севастополя (далее — Держархів м. Севастополя), ф. Р-229, оп. 1, спр. 2, арк. 48.

⁶ Державний архів АР Крим (далее — Держархів АР Крим), ф. Р-1176, оп. 1, спр. 51, арк. 17.

быт и небольшая материальная база для мелкого кустарного производства⁷. В организации работы Севастопольского лагеря активное участие приняли представители ВЧК из центра. Среди них был и начальник оперативного отдела управления особого отдела ВЧК В. Плятт, к тому моменту уже имевший «богатый» опыт по определению дальнейших судеб «контрреволюционеров», полученный им во время ликвидации восстания донского казачества в феврале 1919 г.⁸

Концентрационный лагерь находился в ведении подотдела общественных повинностей и принудительных работ отдела управления Севастопольского ревкома, который возглавлял Василий Никитич Семёнов. Помимо работы в управлении, он был постоянным представителем от военно-революционного комитета в комиссии ВЧК особого отдела 46-й дивизии по ликвидации остатков врангелевских войск, буржуазии и по чистке советских учреждений от «чуждого элемента». Бывший рабочий судостроительного завода и боец революционного отряда А. Мокроусова, он имел богатый боевой опыт: участвовал в разоружении махновских войск, прибывших в Севастополь в ноябре 1920 г. с частями Красной армии, возглавлял отряд по охране города в районе цирка Труцци во время регистрации бывших солдат армии П. Н. Врангеля. Вспоминая то время, В.Н. Семёнов замечал:

«Работа требовала большого напряжения, энтузиазма и времени, работали днём и ночью»⁹.

Управление концлагерей располагалось в бывшей архиерейской гостинице Херсонесского монастыря. Здесь же рядом находились баня, мастерские, а также храм, занимавший площадь 250 кв. сажен. Как свидетельствует архимандрит Фионисий,

«на территории лагеря размещались малярная, кузнечная, столярная, портняжная, переплётная мастерские, которые

⁷ Держархів м. Севастополя, ф. Р-79, оп. 1, спр. 59, арк. 15.

⁸ Российский государственный военный архив, ф. 33987, оп. 1, д. 95, л. 68.

⁹ Фонды НМГООС, НВ-27758.

в 1921 г. были реквизированы у монастыря в пользу концлагеря»¹⁰.

Администрация лагеря была полностью укомплектована к 4 января 1921 г., в состав руководства вошли комендант — Николай Булыгин, адъютант — Григорий Хорунжинков, начхоз — Александр Петров. Караульная команда, первоначально насчитывавшая 18 младших милиционеров, с марта увеличилась на 6, а с апреля — ещё на 4 и в общей сложности состояла из 28 чел. Хозяйственная часть включала 14 чел.: пекари, кухарки, портнихи, сапожники, кузнецы, прачки, причём все вольнонаёмные, не из числа заключённых.

Как сообщал начальник лагеря,

«с момента организации концлагерь был заполнен арестованными дезертирами труда, буржуазией, спекулянтами, всего 295 человек, принятыми от Севастопольского отдела Комтруда».

К 13 января 1921 г., по распоряжению заведующего отделом управления Севастопольского ревкома Салтыкова, многие были освобождены по ордерам, и с 13 января в лагере содержались исключительно заключённые, отбывавшие наказания сроком от 6 мес. до 20 лет по приговорам особых отделов 46-й дивизии, Черназморей, революционного военного трибунала Чёрного и Азовского морей, Севастопольской ЧК.

К апрелю 1921 г. в Херсонесском лагере содержались 150 чел. Интересно, что многим по постановлению суда местом отбывания наказания определялся Донбасс, реже — Север. Самый большой срок (20 лет) был присуждён особым отделом 46-й дивизии — 2 чел., особым отделом Черназморей — 4 чел. Среди заключённых были и те, кому был определён срок «до окончания гражданской войны» (5 чел.), а наиболее многочисленной стала группа отбывавших срок от 1 до 5 лет. Были и те, кому предстояло сидеть всего полгода (за кражу, приобретение краденого, тунеядство). За период с января по апрель 1921 г. в лагере произошло 3 побега. Причём нормативные документы

строго карали за такой проступок — в первый раз устанавливалось увеличение срока заключения в десять раз, а за вторичный побег ревтрибунал имел право применить расстрел.

Исходя из отчёта начальника лагеря от 2 апреля 1921 г., можно частично определить причину сурового наказания. Однако против 106 чел. в списке не указана причина заключения, все они проходили по линии особого отдела 46-й дивизии. По линии Севастопольской ЧК были осуждённые за дезертирство, спекуляцию и укрывательство спекулянтов, бандитизм, сокрытие казённого имущества, распространение контрреволюционных слухов, как праздный элемент, за дискредитацию советской власти, взяточничество, воровство. В лагере могли оказаться и нарушители трудовой дисциплины. Так, в одном из приказов по 2-му Севастопольскому театру от 24 марта 1921 г. указывалось, что

«за опоздание на спектакль артистка Агрелия оштрафована в размере двухнедельного заработка, а в случае повторения инцидента её дело будет отправлено в коментруд для помещения оной в концентрационный лагерь»¹¹.

Основным средством перевоспитания была «трудотерапия». Заключённых использовали как на работах в лагере, так и за его пределами. Вся деятельность учреждения строилась по принципу самокупаемости, работавшие кузнечно-слесарная, плотницко-столярная, сапожно-заготовочная, портняжная мастерские, а также пекарня обслуживали нужды лагеря. Работа мастерских прибыльной не была из-за отсутствия достаточного количества инструментов и расходных материалов.

За январь–апрель 1921 г. заключённые исполнили 127 подрядов на работы по требованиям различных учреждений, куда было отправлено 1907 чел. Первоначально для них был установлен 8-часовой рабочий день на работах с применением физического труда, и немного больший — на канцелярских. Позже рабочий день был сокращён до 6 часов. Никакого ответственного труда заключённым не доверяли. Часть их отправля-

¹⁰ Держархів м. Севастополя, ф. Р-420, оп. 1, спр. 92, арк. 27.

¹¹ Держархів АР Крим, ф. Р-1176, оп. 1, спр. 173, арк. 160.

лась на работы под конвоем, а некоторые — самостоятельно. К 18-ти часам заключённые были обязаны прибыть в лагерь — в противном случае они объявлялись беглыми и подлежали наказанию при поимке.

Помимо мастерских, за лагерем был закреплён земельный надел в 10 десятин. Из них половина — засеянная пахота, 1,5 — огород, а 3,5 десятины пахотной земли и огорода пустовали из-за отсутствия семенного материала.

Что касается медицинского обеспечения в лагере, то при серьёзных болезнях людей отправляли на лечение в 1-ю Советскую больницу города. Таковых к 1 апреля 1921 г. было 6 чел. Однако 30 марта, согласно приказу отдела управления Севастопольского ревкома, на базе лагеря был организован приёмный покой на 5 чел., который периодически посещался городскими врачами¹².

Несомненно, большой интерес представляет поимённый анализ списков заключённых. В этом направлении предстоит ещё большая поисковая работа, но уже сегодня найдены интересные материалы, личные документы тех, кто содержался в лагере. Так, в Государственном архиве Автономной Республики Крым выявлено личное дело Елены Петровны Калабиной, которая была «арестована за службу у белых» и 12 января 1921 г. осуждена «тройкой Крымской ударной группы» управления Южного и Юго-Западного фронтов к 20 годам ИТЛ¹³. Вместе с жёнами офицеров врангелевской армии она была определена в Херсонесский лагерь, где работала сестрой милосердия. Вместе с ней заключение отбывала и Екатерина Васильевна Туркенич, 1 января 1921 г. осуждённая «тройкой Крымской ударной группы» к 10 годам ИТЛ «за службу у белых в Дроздовской дивизии»¹⁴. Несмотря на свои профессиональные навыки медсестры в лагере она работала как огородница. Наряду с сёстрами милосердия, военными чиновниками и военспецами ста-

¹² Держархів м. Севастополя, ф. Р-1176, оп. 2, спр. 45, арк. 3.

¹³ Держархів АР Крим, ф. Р-4808, оп. 1, спр. 021879.

¹⁴ Там само, спр. 022203.

рой армии в концлагере оказались и 30 монахов Херсонесского монастыря во главе с 73-летним архимандритом Зосимой. Отдельную группу заключённых составляли 16 сотрудников госконтроля Севастопольского отделения Рабоче-крестьянской инспекции, бывших специалистов старой власти, осуждённых по линии особого отдела 46-й дивизии. После тотальной ревизии, проведённой в городе большевиками, необходимость в их услугах отпала, и все они были отправлены в Херсонесский лагерь.

В первых числах июля 1921 г. начался процесс ликвидации лагеря. Уже 10 июля в бессрочный отпуск убыло 10 сотрудников и милиционеров охраны, а 22 июля, по просьбе заместителя председателя исполкома Прокофьева, по причине ликвидации лагеря отсюда для охраны городской тюрьмы на должности надзирателей было переведено 15 красноармейцев¹⁵. 1 августа 1921 г. на заседании Севастопольского исполкома под председательством Крылова было принято решение концлагерь расформировать, а его имущество передать собесу¹⁶. Однако 10 августа того же года от заведующего отделением управления Крымского ревкома в исполнительный комитет Севастопольского горсовета рабочих, крестьянских, красноармейских, военно-морских депутатов из Симферополя поступила уточняющая телеграмма:

«Все мастерские, 2 рабочие лошади ликвидированного концлагеря, указанные в акте ликвидационной комиссии, поступают в распоряжение центрального лагеря в Симферополе, которым будет прислан приёмщик. 20 кроватей передать Севврачебнопитательному пункту Крымэвака, остальное имущество поступает в ваше распоряжение»¹⁷.

Причин закрытия лагеря было несколько. Во-первых, после ликвидации ВЧК и создания ГПУ при НКВД РСФСР началась реорганизация системы мест заключения, где содержались так

¹⁵ Держархів м. Севастополя, ф. Р-79, оп. 1, спр. 4, арк. 34.

¹⁶ Там само, спр. 12, арк. 9 а.

¹⁷ Там само, спр. 93.

называемые «контрреволюционные элементы». В результате чего значительная часть заключённых из уездных и губернских лагерей была переведена на север страны. Во-вторых, эпидемия холеры, затруднения в проведении санитарных мероприятий в местах заключения влекли за собой превращение лагерей в очаги массового распространения опасного заболевания. С весны 1921 г. борьба с эпидемией являлась вопросом первостепенной важности. В соответствии с государственными циркулярами предлагалось производить замену сроков заключения на поручительство, залог, в самых широких масштабах прибегать к досрочному освобождению¹⁸. В-третьих, работа лагеря строилась по принципу самокупаемости. Мастерские обслуживали его нужды, также исполнялись заявки от различных городских учреждений. Однако в условиях обострения продовольственного кризиса шло сокращение числа заявок, ведь все работавшие в госучреждениях переводились на продовольственное снабжение этих учреждений. Таким образом, лагерь не мог самостоятельно содержать себя, что в совокупности с другими причинами и привело к его ликвидации.

Сегодня всё ещё невыясненным остаётся вопрос о судьбах людей, находившихся в лагере. Его работа, согласно нормативным материалам, сопровождалась значительным числом делопроизводственных документов. Это были особые карточки на заключённых, которые поступали в алфавитный реестр лагеря (3 экземпляра), бухгалтерские ведомости по выполненным нарядам с указанием лицевых счетов заключённых, копии судебных приговоров или постановления, по которым препровождались заключённые, периодические отчёты, каждые две недели подаваемые в отдел принудительных работ НКВД. Выявлению и поиску этих документов будет посвящена дальнейшая исследовательская работа.

Необходимо отметить, что на сегодня самым малоизученным является вопрос о работе лагеря в Георгиевском монастыре вблизи Балаклавы. Монастырская братия в своё время поддерживала барона П. Н. Врангеля. После установления со-

ветской власти тут, на отдалённой от города территории, был также открыт лагерь для «контрреволюционеров», являвшийся частью Севастопольского концлагеря. Документально известно, что и на 1930 г. он по-прежнему функционировал.

Таким образом, все эти вопросы требуют тщательного исследования, кропотливой поисковой работы в крымских и российских архивах. Процесс переосмысления трагических событий минувшего становится с каждым годом более интенсивным, а это даёт надежду на то, что белых пятен в истории полуострова будет всё меньше.

Островська І. Під грифом «секретно»... (до історії Севастопольського концентраційного виправно-трудового табору для «контрреволюційних елементів» у 1921 р.)

У статті вперше розглядається питання про організацію Севастопольського концентраційного виправно-трудового табору для «контрреволюційних елементів», що розташовувався на території Херсонського монастиря св. Володимира (1921 р.).

Ключові слова: концентраційний трудовий табір, контрреволюція, сестри милосердя, революційний загін, монастир.

Ostrovskaya I. Classified as «secret»... (the history of Sevastopol concentration labor camp for «counter-revolutionary elements» in 1921)

The article presents the little known facts from the history of organization and work Sevastopol's counter-revolutions camp for «counter-revolution detachment». Camp was disposed in territory of Chersonesus monastery St. Volodymyr in 1921.

Key words: counter-revolution detachment, counter-revolutions camp, nurse, monastery.

¹⁸ Держархів м. Севастополя, ф. Р-245, оп. 1, спр. 20.